

355

с-34

19013

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА
„КАТОРГА и ССЫЛКА“

№ 24-25

С. СИБИРЯКОВ
Г. И. КОТОВСКИЙ

МОСКВА
1925

И

И

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО
ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И

выпускает ряд изданий, посвященных.

СТОЛЕТИЕМУ ЮБИЛЕЮ ДЕКАБРИСТОВ 1825 — 1925.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

1. Декабристы. Неизданные материалы и статьи. Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Труды Пушкинского Дома при Росс. Ак. Наук. XVI + 336 стр. + 6 вклеен. иллюстр. Цена 3 р.
2. Декабрист И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма из Сибири. Редакция и биографический очерк С. Я. Штрайха. 368 стр. + 4 вклейки портретов. Цена 2 р.
3. Н. М. Дружинин. Кто были декабристы и за что они боролись? Популярный очерк. С 7 иллюстрац. 112 стр. Цена 35 к.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я:

4. О. К. Буланова. Роман декабриста. (По семейному архиву декабриста В. Ивашева.)
5. Декабристы на каторге и ссылке. Сборник статей П. Н. Сакулина, С. Я. Штрайха, С. Н. Чернова, Б. Г. Кубалова, Е. И. Тарасова и др.

Кроме того—ряд популярных брошюр в серии „Дешевая библиотека“ журнала „Каторга и Ссылка“:

6. Вл. Виленский-Сибиряков. Два юбилея (1825 г. и 1905 г.).
7. В. Алексеев. Николай I и декабристы.
8. „ 14 декабря 1825 г.
9. „ Пестель.
10. Н. А. Некрасов. Русские женщины. Дедушка. и другие брошюры.

СЕМЕН СИБИРЯКОВ

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ
КОТОВСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва—1925

Москва. Главлит № 44.722.

50 000 экз.

„Мосполиграф“. 16-я типография, Трехпрудный, 9.

Нет Григория Ивановича Котовского... Оборвалась жизнь борца, полного сил и безудержного рвения освободить Бессарабию от ига румынских захватчиков.

Не в бою открытом, не в жестокой схватке с врагами рабочих и крестьян, а от предательской пули наемного убийцы погиб бесстрашный герой Красной армии, командир конного корпуса, Котовский.

О Котовском можно книги писать. Жизнь Котовского была богата легендарными подвигами. Деятельность Котовского после Октября хорошо известна народным массам нашего Союза. О Котовском до 1917 г. знают не все.

Котовский, Григорий Иванович, родился в 1886 г. в Бессарабской губернии, в Кишиневском уезде, в семье мелкого уездного чиновника. Не окончив сельско-хозяйственной школы, он поступил к одному помещику в качестве управляющего имением. Помещику понравился статный, здоровый и ловкий молодой человек. Ему казалось, что наконец-то он нашел подходящего управляющего, который сумеет прибрать к рукам «распущенных» крестьян. Но он горько ошибся.

Григорий Иванович впервые увидел резкий контраст между каторжным трудом наемных крестьян

и беспечной жизнью паука-помещика. Он стал на сторону первых, стараясь всемерно облегчить их тяжелое положение, и крестьяне вздохнули свободнее.

Прямой по натуре и характеру, Григорий Иванович при первой же стычке с требовательным и властным самодуром - помещиком высказал ему свое презрение. Распетушившийся помещик замахнулся на него арапником, но не успел опустить его, как Котовский ловким движением обезоружил его, и, схватив пониже позвоночника, выбросил из конторы. Вне себя от ужаса, помещик помчался к станковому. Управляющего арестовали и эталным порядком отправили на родину.

В Кишиневской тюрьме Григорий Иванович присматривался к жизни узников, прислушивался к справедливому ропоту на самодержавие и стал ярым врагом правительства и помещиков.

Перед ним стал вопрос, как бороться с врагами народа. Страдания деревни ему были ближе, он видел в помещике главного врага и против него решил направить первый удар. Он рассуждал: правительство кинется защищать помещика, тогда заодно с помещиком бей и царских опричников.

Революция 1905 года окончательно укрепила его в этом решении. Стихийные аграрные волнения жестоко подавлялись. Помещики торжествовали. Не пожалели больших денег на содержание вольнонаемных ингушей. Свистела сабля и нагайка. Плакали кровавыми слезами крестьянские спины.

Григорий Иванович Котовский организовал боевую группу из десяти молодых парней и с этой горстью храбрецов объявил войну помещикам и самодержавию. Уже с первого лихого налета организованной группы чины полиции были поставлены на ноги. Помещики потеряли сон и увеличили охрану имений. Всюду были расставлены заставы для по-

имки смельчаков. А он продолжал свое дело. Вот новое неслыханное и дерзкое нападение. Окружив в лесу пеший этап крестьян, задержанных за аграрные беспорядки и препровождаемых под усиленным конвоем в Кишиневскую тюрьму, он освобождает их и расписывается в книге старшего по команде: «Освободил арестованных Григорий Котовский».

Это нападение явно политического характера взбудоражило всю губернию. Были мобилизованы жандармы и шпики, и в то время, когда Котовского искали в одном уезде, он перебрался в другой и совершил новый налет на имение.

Подвижная дружина ловко ускользала от преследования. Вот-вот, кажется, совсем окружили их и отрезали путь к выходу из леса, но неожиданно Котовский вынырнет там, где его меньше всего ждали, и снова наводит панику на помещиков. Популярность неуловимого атамана Котовского росла и ширилась. Его налеты с каждым днем становились все смелее и эффектнее и поражали обстановкой и удалью.

Газеты пестрели длинными описаниями похождений Котовского. Его имя окружалось ореолом славы. В народную гущу поползли легенды.

Часть отбираемых денег Котовский раздавал беднейшему крестьянству, большие суммы вносил в губернский комитет партии социалистов-революционеров, несмотря на то, что считал себя анархистом.

Долгое время полиция не знала примет Котовского. Его ищут в уезде, а он свободно вечерами гуляет по городу и посещает на главной улице «биржу» социал-революционеров.

Котовский приезжал в город Кишинев в собственном фаэтоне с кучером, преданным Пупкаревым, и приказчиком Демьянишиным. Останавли-

вался в перворазрядных гостиницах под видом богатого провинциального помещика. Оба дружинника были готовы в любую минуту предупредить и грудью защитить его от грозящей ему опасности.

Григорий Иванович не ставил себе целью убийство помещиков. Он предпочитал терроризировать их, разорять их гнезда, нарушать их покой. И он это делал умело и тонко рассчитанно. Одно время он довел помещиков до того, что почти все они оставили свои имения и в страхе спасались в городе Кипиневе. Казалось, в губернском городе совсем безопасно, но нет, всюду, куда надо было Котовскому, он умел проникнуть.

Званный вечер в доме богатого помещика Крупенского. Присутствуют крупные земельные собственники—гордость царской России: Синадино, Кантакузен, Семиградов и др., в том числе и Григорий Иванович Котовский, приглашенный живущим с ним рядом в гостинице знакомым Крупенского. Красивый, умный и богатый провинциал-помещик, Григорий Иванович, привлекает всеобщее внимание. Разговор переходит к злободневному герою Котовскому.

— Вот, вам попадись он, пожалуй, помяли бы ему бока,—говорит ему сосед.

Котовский скромно улыбается.

— Да и я пожалуй устроил бы его кое-чем,—хвастает сам Крупенский, сжимая угрожающе до смешного пухлый кулак.

— А в самом деле, что бы вы ему сделали, вдруг да залягись он неожиданно к вам? — интересуется Котовский.

— Очень просто: у меня всегда на стуле у кровати лежит заряженный браунинг. Нарочно для него держу. Не будь я Крупенский, если не раскрыл бы ему голову.

В ту же ночь, как только гости раз'ехались, налетели на квартиру Крушенского. Крепко опящего храбреца-хозяина и не потревожили, забрали серебряную палку с золотой отделкой—ценный подарок эмира бухарского и дорогой ковер—подарок шаха персидского. На заряженном браунинге оставили записку: «Не хвались, идучи на рать, а хвались, идучи с рати.»

Велик был гнев предводителя дворянства Крушенского, когда он догадался, кто был у него в гостях. Полетел к губернатору.

Губернатор потребовал от полицеймейстера энергичных мер. Полицеймейстер нажал на приставов. Пристав 2-го участка Хаджи-Холи и пом. пристава Зильберг с особым рвением принялись за дело, голова Котовского была оценена: указавшему его местопребывание было обещано вознаграждение. Но Котовского и след простыл.

Правда, Зильбергу повезло, он попал на горячий след и... был арестован Котовским. Напрасен был страх Зильберга, считавшего себя погибшим. Котовский не только не убил его, но, взяв с него слово, что он впредь не будет преследовать его дружину, подарил еще на память палку—подарок эмира Крушенскому, и переслал с ним полицеймейстеру ковер шаха персидского. После таких щедрых подарков полицеймейстер и помощник пристава Зильберг не проявляли особого рвения для поимки Котовского, надеясь на дополнительные подарки.

Позже все это выплыло наружу, ковер и палка были у них обнаружены. Полицеймейстер все свалил на помощника пристава. Он отделался выговором и снижением по службе. Зильберг же был предан суду и приговорен к четырем годам каторги.

Несмотря на все старания истинно-русской газеты «Друг» заклеить группу Котовского именем «шайка разбойников», груша пользовалась колос-

сальной популярностью среди крестьян Бессарабии. К ней не приставала худая слава.

Котовский был ловким стратегом. Он не избегал открытых столкновений с высланными против него конными стражниками. В неоднократных стычках с численно превосходящими его во много раз силами противника он всегда выходил победителем.

Еще тогда, в подпольной России, он хорошо усвоил себе тактику партизанской войны и ловко водил за нос противника, никогда почти не умевшего определить численность его отряда.

Ходили слухи, что в дружине Котовского сто, двести, триста и более человек, но никто не поверил бы, что весь отряд состоял всего из двенадцати смельчаков.

Заберется дружина в густой лес, замаскирует полсотни пней и затеет бой со стражниками. И в то время, как стражники усиленно обстреливают пни, скрытые в ямах дружинники с разных сторон осыпают их убийственным огнем. Бегут стражники, распуская слухи, и ширится легенда о могуществе и силе прозного атамана Котовского.

Сильно не любил Григорий Иванович духовенство. Вылетел с отрядом из засады, остановил едущий в Оргеев дилижанс. Побелели купцы, затряслись помещики, глядя на замаскированных дружинников. В стороне на видном месте без маски стоит колосс-атаман.

— А, батюшка, мое вам почтение.

Осенил поп подошедшего к дилижансу дружинника широким крестом. Но протудел зычный бас атамана:

— Не крестись, лиходей, грабитель народный. Проворнее вытряхай мошну. Обобрал, небось, свое чадо.

Заекало сердце у батюшки. Обливаясь холодным потом, он отдает денешки.

«Но почему они не трогают рядом сидящую с ним девушку?»—Только подумал батюшка, как к ужасу своему заметил, что атаман улыбнулся его черноокой спутнице, а она ответно кивнула головой и зарделась.

«Сообщница»,—шевелинулось в испуганной башке батюшки. Сдерживая колючую дрожь, он отодвинулся в угол дилижанса.

Социал-революционерка Блима Г., едучи домой, к удивлению своему узнала в Котовском своего знакомого.

Никовал поп, что его спутница не заметила, как он перехватил ее и атаманову улыбки. В Оргееве Б. Г. арестовали. Она вынуждена была признаться, что случайно познакомилась с Котовским на улице, и обрисовала его приметы.

Впоследствии при аресте Котовского, на очной ставке в присутствии потерпевших лиц, сгорая от стыда и боли, она вынуждена была признать в нем своего знакомого.

Как-то меня и Григория Ивановича вызвали на свидание. Ко мне пришла Блима Г.

Встретившись глазами с Котовским, она покраснела и виновато потушила взор. Григорий Иванович узнал ее и, заметив ее волнение, подошел, протянул ласково руку и просил не волноваться.

— Я вас не обвиняю, у вас другого выхода не было, иначе вас могли бы судить, как соучастницу.

Девушка подняла на него благодарный взгляд и, растрогавшись, крепко пожала ему руку.

Честолюбивому приставу Хаджи-Холи сильно хочется изловить Котовского. Ему удастся направить в его огряд отчаянного разбойника Загари, который, проникнув в дружину, работает над захватом атаманства у Котовского. Это ему не удастся,

и он становится злейшим врагом Григория Ивановича. Чтобы усилить свою позицию, Загари втягивает в дружину бежавшего с Сахалина «обратника» Дурунчана.

Некий каменщик, член партии социалистов-революционеров, запутавшись в сетях кишиневской охраны, соблазняется наградой за поимку хорошо ему знакомого Котовского. Он выдает его конспиративную квартиру. Котовского с товарищами арестовывают.

Начинается новая героическая полоса в жизни Григория Ивановича. Борьба в неволе за волю.

Ликует правительство, что удалось изловить и бросить в тюрьму атамана Котовского. Облегченно вздохнули помещики, спокойней стало жить в имениях.

Тоскуют крестьяне о закованном в кандалах Котовском.

«Неужели не вырвется он из клетки, чтобы снова напустить на помещиков?»

День и ночь мечтает Котовский о воле, обдумывает план побега и решает организовать такой общий, «нахальный» побег, которого еще до сих пор не знала история.

Надо знать план Кишиневской тюрьмы-крепости, чтобы представить себе всю трудность задачи, решить которую взялся Григорий Иванович.

Разоружить всю тюремную и воинскую охрану, захватить тюрьму в свои руки, вызвать по телефону в тюрьму тов. прокурора, полицеймейстера, приставов и жандармских чинов для того, чтобы поодиночке арестовать их и упрятать в карцера, затем вызвать конвойную команду якобы для производства повального обыска, разоружить и ее и, имея в своем распоряжении одежду и оружие арестованных, инсценировать отправку большого этапа в Одессу, дорогой захватить состав поезда,

чтобы следовать дальше уж по своему усмотрению.—На такой план могли решиться люди с исключительной отвагой, которым «кроме цепей» тарить нечего.

Турьму опоясывает высокая ограда. Снаружи у ворот и вокруг—пятеро часовых. Внутри вдоль ограды через каждые двадцать сажений — стражник, а у ворот—караульное помещение. Между корпусными и решетчатыми воротами находится тюремная контора. Во дворе и в коридорах корпуса четырнадцать постовых надзирателей.

Котовскому предстояло обезоружить в общем больше пятидесяти человек. Несмотря на всю рискованность плана, в назначенный час, среди бела дня, дружина, уверенная в своем атамане, принялась за дело. Никто кроме них не знал о предстоящем побеге.

На дворе шла обычная прогулка. Двое постучались из одиночки и попросились в уборную. Только надзиратель выпустил их в коридор и стал закрывать камеру, как сзади стальные руки подхватили его на тилку (на подхват), обезоружили и связали. Затем, засунув ему в рот тряпку, втолкнули в камеру под кровать.

Имея один револьвер, они осторожно подобрался к надзирателю второго коридора и, неожиданно направив в него черное дуло, заставили сдать оружие. В других коридорах происходило то же самое.

Через несколько минут все коридорные надзиратели были обезоружены, связаны и лежали с заткнутыми глотками.

Наблюдающих за прогулками двух надзирателей одновременно заманили к входу в карцер и так же удачно арестовали.

Подходил самый критический момент. Каждую минуту через волчок корпусных ворот мог загля-

нуть привратник и, заметив отсутствие на дворе надзирателей, мог поднять тревогу.

Котовский приказал своим открыть камеру и объявить всем царский манифест, а сам с газетой направился к воротам. Развернув ее, чтобы заслонить привратнику вид из волчка, стал кричать молдаванам.

«Эге-ей, манафес, манафес!».

Расчет был правилен. Вся тюрьма высыпала к корпусным воротам.

Надзиратель открыл широкий волчок, и в ту же минуту цепкая рука Котовского без промаха схватила его за горло и притянула вплотную к волчку. Этого только и ждали двое из поднавесной башни, наблюдавшие по ту сторону ворот за привратником. Один подошел к прихваченному к корпусным воротам привратнику, ловко отнял у него ключи и быстро открыл ворота, между тем как второй подошел к решетчатым воротам и стал просить надзирателя пропустить на внешний двор. Лишь только надзиратель открыл решетчатые ворота, чтобы пропустить арестанта, как из корпусных ворот хлынула в поднавес волна арестантов во главе с Котовским и его дружиной.

Часть дружины кинулась в контору, часть, прорвавшись через решетчатые ворота, устремилась к последним воротам, а самая боевая во главе с Котовским вихрем ворвалась в караульное помещение и, схватив винтовки, направила их в упор на отдыхающих стражников.

— Ни с места!

Все сдались.

У последних ворот произошла заминка. Когда кинулись к надзирателю, он крикнул: «убейте, а ключи не отдам» и с этими словами он перебросил ключи через ограду. В мгновение он был схвачен и связан.

На несколько секунд толпа притихла, прислушивалась к шагам наружного часового. Теперь лишь она поняла, что это не царский манифест.

Слесари кинулись в кузницу делать новый ключ. Несколько арестантов, переодевшись в одежду стражников, приступили к обходу внутренних постов, снимая часовых. Последние хоть и слышали шум, но не смели покинуть свои посты для выяснения причин. Группа арестантов направилась в «сучий куток», чтобы учинить кровавую расправу со шпионами и «язычниками».

Два каторжанина - предателя, вредная деятельность которых еще не была известна, опасаясь мести товарищей, соблазнили еще нескольких молдаван и, приставив доску к стене, в кандалах пустились бежать через ограду. Из находящегося недалеко от тюрьмы полицейского участка заметили побег и открыли стрельбу.

Увидя неожиданное крушение выработанного плана побега, Котовский скомандовал, и вся тюрьма, как один, дружно бросилась напролом, сорвала ворота и хлынула широкой волной на просторную Сенную площадь. Но навстречу беглецам уже спешили воинские части.

Всех, за исключением двоих из дружины Котовского, переловили и, жестоко избив прикладами, водворили на свои места. Котовского окружили, теснят к тюрьме. Он отступает, в обоих руках у него по револьверу. В своей камере он баррикадируется и из окна заливает:

— Оружие сдам, когда губернатор приедет и даст слово, что не будет избивания.

Он добился своего. Только после того, как в тюрьму прикатил губернатор и обещал, что никто не посмеет его трогать, Котовский выбросил из окна оружие.

Для Котовского отделивают на высокой башне специальную камеру под названием «железная». Небольшая квадратная одиночка совершенно изолирована от корпуса, имеет единственное круглое окно с толстой железной решеткой. Решетчатая дверь смотрит в небольшой коридор, где приставлен свирепый тюремный надзиратель Бадеев. На внешнем дворе, против окна камеры Котовского, установлен добавочный пост надзирателя.

Успокоилось начальство. Теперь, мол, все пути для Котовского отрезаны, но Григорий Иванович не унывает. Спокойный и уверенный, он готовится к новому отчаянному побегу.

Жена видного административного лица приходит к нему на свидание. Свидание личное и происходит в присутствии помощника начальника тюрьмы Бебело. При всей своей жестокости тюремный чиновник все же находит возможным не стеснять влиятельную даму и обернуться лицом к окну. Это дает возможность Котовскому получить пронесенные дамой шелковую веревку, браунинг, пилку и усыпляющие папиросы.

После проверки он закурил папиросу, шагает по камере. Ароматные клубы дыма дразнят Бадеева, а Григорий Иванович, как нарочно, говорит.

— Прямо райские, после махорки.

— Ну, уж будто райские.

— Ей-богу, Бадеев, попробуйте.

Не устоял Бадеев против сердечного предложения и протянутой коробки и взял одну. Затянулся, сказал:

— Верно, что хороши.

Григорий Иванович устраивается ко сну...

Спит Григорий Иванович, с легким храпом спит... и кружится у Бадеева голова, сильно клонит ко сну. Постоял Бадеев у решетчатых дверей, прислушался. «Спит богатырским сном», думает.

Отошел от дверей, пристроился на табуретке в углу и незаметно заснул...

Григорий Иванович перекинул две средние решетки, с огромным напряжением выгнул их наружу кверху и, прикрепив веревку, с осторожностью спускается с высокой десятисаженной башни во внутренний двор.

Когда Григорий Иванович был уже на полути, стоявший внизу надзиратель Москаленко заметил его страшную тень и до того растерялся, что не знал, что предпринять. Стрелять? А вдруг промахнешься. От Григория Ивановича тогда не жди пощады. Поднять тревогу? А вдруг, как не поспеют во-время? Все равно Григорий Иванович прикончит на месте.

Григорий Иванович также чутьем понял, что Москаленко его заметил, и потому что он не стрелял, правильно рассудил, что надзиратель ни жив ни мертв, и продолжал опускаться наверняка.

— Григорий Иванович, это вы?—услышал он сдавленный вопрос.

— Я. А это вы, Москаленко?

— Я, Григорий Иванович. Я. Только, ради бога, не убивайте.

— Что ты, друг милый, да за что тебя? Давай только сюда затвор,—говорит Григорий Иванович, стоя уже рядом с ним.

— Этак, брат, вернее будет. Да помоги лесенку приставить. Не бойся. Коли ум есть, соображай, есть ли расчет поднять тревогу. Ночь темна, благополучно сменишься, не заметят.

И Москаленко понял, что верно рассуждает Григорий Иванович. Он помогает ему отыскать доску, взобраться на стену и оттуда получает обратно свой затвор. Лишь на третьей смене, когда рассветало, обнаружили висящую веревку и исчезновение Котовского.

Оба надзирателя предстали перед судом. Суду так и не удалось установить, на чьей смене бежал Котовский.

Всполюшился город, губерния. Забегали власти, засновали ищейки по свежим следам.

Обрадовался каменщик-провокактор, когда встретил на улице Котовского. Дал ему адрес надежной квартиры, где бы он мог скрыться. Условились встретиться там.

Не догадался Григорий Иванович, идя на квартиру, что за ним уже следуют по пятам. Лишь перед самым домом увидел—навстречу идут трое городских и надзиратель. Глянул назад—с угла показались два надзирателя и двое городских. Не понял Григорий Иванович, что попал в засаду, а решил, что его выследили. Не теряясь, вошел во двор и выглянул. Против калитки по переулку, по обоим сторонам квартала шли двое городских.

«Одаться без боя? Никогда.»

Неожиданно перед самым носом полиции он выскочил из калитки и кинулся в переулок. Городовые с распростертыми обаятиями перегораживают ему дорогу. Тяжелым ударом Котовскийшибает с ног одного, другого, но схваченный за ногу сам падает. Навалились грузные городовые, Котовскийстрахнул их с могучих плеч и кинулся бежать. Посыпались в дотонку револьверные пули, стреляли уже городовые и надзиратели. Одна пробилалакированный сапог и впиалась в толстую икру. Сшиб городовых, толпа любопытных. Григорий Иванович вскочил на извозничью пролетку, выхватил вожжи и погнал лошадь. Перепуганный извозчик соскочил с козел. Григорий Иванович погоняет лошадь и за одним из поворотов, бросив пролетку, скрывается в ворота.

Ныла простреленная нога. Почти до вечера он просидел в грязном ватаре. В сумерках, истекая кро-

вью, он, как затнанный зверь, поплелся, не соображая куда. Опомнился вблизи тюрьмы. Еще несколько усилий—он дотронулся до ближайшего баптана и, как сноп, свалился в гостеприимную зелень. Когда он проснулся, солнце высоко вскарабкалось на небо. Лакированный сапог невыносимо сжимал распухшую ногу. Он разорвал голенище, обмыл запекающуюся кровь сочным арбузом и сделал себе перевязку. Еще чувствуя большую слабость, Григорий Иванович подкрепил себя ароматной дыней и, решив дожидаться ночи, лег спать. Ночью он добрался до Костюженской лечебницы и у знакомого врача нашел приют и помощь.

Беснуется обескураженная полиция. Производит бесчисленные обыски. И не случись злополучного предателя - каменщика, в честность которого Григорий Иванович все еще слепо верил, не поймать бы его.

Через три дня Григорий Иванович послал провокатору записку, а ночью нагрянула полиция и арестовала его.

Котовский снова в тюрьме. Снова гремят на ногах кандалы. Впрочем, на ногах Григория Ивановича кандалы брнчали, как побрякушки. И при первой надобности, несмотря на тесную заковку, он удивительно легко снимал их.

На этот раз Котовского посадили в полуподвальный секретный коридор, чтобы он всегда был на виду у стоящих во дворе надзирателей. Через окно секретки, выходящее в корпус, видно было все, что делается внутри, и все же, несмотря на принятые меры, он организует подкоп, который случайно—во время неожиданного обыска—проваливается. А подкоп почти выведен был за ограду.

Рухнул план, над которым кропотливо и упорно работали долгие два месяца. После этого рухнули еще и еще... Проваливаются трудные подкопы:

из карцера, из церкви, из поднавесной балки, из камеры симулянтов и целый ряд других.

Особенно работает мысль Котовского в 1908 году, в период пребывания в тюрьме около тридцати анархистов: белодержковцев, пагисовцев и каушанцев. Надо всеми висит 179 статья—смертная казнь, и Григорию Ивановичу страсть хочется вырвать их из рук смерти. Он мечтает с ними вырваться из тюрьмы, организовать крупную дружку и кинуться в беспощадную борьбу с правительством. Строят планы побега. Помня зверскую расправу надзирателей с арестантами после первого неудачного побега, Григорий Иванович предлагает уже не мирную «вязку» тюремной стражи, а открытую жестокую расправу. Но героизм у воинственных анархистов остыл, наступила давящая реакция. У каждого припала маленькая, обманчивая надежда, что его не казнят... Увы, надежды обманули их: большая часть была казнена по приговору Одесского военно-окружного суда.

В тюрьме Котовский неустанно борется с произволом уголовных «Иванов». Выступает против традиционного взимания с новичков «на камеру», обкрадывания общетюремной кухни и спекуляции «майдашников». Он берет под свою защиту слабых и малолетних. Арестанты обращаются к Григорию Ивановичу за советом, защитой и помощью. Всем помогает Григорий Иванович, всех выручает.

Начальник тюрьмы, Францкевич, помощники и надзиратели боятся Котовского, как огня.

По первому требованию его выпускают из камеры, пропускают в контору, вызывают к нему врача, следователя, прокурора, словом, все делают для Котовского. Он никогда не злоупотреблял своим положением и не выступал пустым волынщиком. Но если он предъявит начальству требования, то в спо-

койном тоне и четких словах чувствовалась сила. Администрация знала, что за спиной Котовского — вся тюрьма.

У окна камеры Котовского всегда народ. На прогулке вокруг него группируются. Своей колоритной фигурой он резко выделяется, чувствуется в нем герой, вожак, которого тюремным стенам не удержать, у которого серое арестантское сукно и кандалы не в силах опятить величия.

Котовский настойчиво добивался воли, не гнул-ся от частых неудач. Провалится один план, у него готов другой.

Сколько бы ни находили при обысках оружия, Котовский сумеет получить с воли новое. Администрация беспокойна, подозревает, что кроме обнаруженного в церкви под аналоем огнестрельного оружия есть еще. Она не спит, чувствует, что работает мысль Котовского над новым планом побега. Но администрация не знает, что у Котовского всегда при себе маленький дамский браунинг. И держит его при себе Котовский, всегда готовый дорого отдать свою жизнь, всегда готовый к неожиданному случаю для побега.

Котовский раз навсегда об'явил начальнику, что не допустит ежедневных личных обысков, и его никогда не обыскивали.

Он неослабно борется с тюремной администрацией, не допускает ни малейшего ухудшения режима, и при Котовском все попытки начальства завинтить тюрьму, не удаются.

При небывалом стечении публики судили Котовского. И когда Котовскому об'явили, что он осужден на десятилетнюю каторгу, он, смеясь, ответил: «Это пустяки в сравнении с вечностью».

Кроме друзей, у Котовского много питающих врагов. Кроважак Загари и прочие тюремные боги,

которых Котовский с приходом в тюрьму развепчал, мутят против него темных молдаван, доказывают им, что он оскверняет старые тюремные традиции. «Слыхано ли где, чтобы ставили воров, заслуженных «мокрушников», ниже «фраеров». Убить его! Он дружит с политикой, которая показала себя убийствами нашего брата, «болотных», в Варшаве, Екатеринославе и Одессе».

Мало-по-малу круг заговорщиков становился сильнее и опаснее. Компания Загари замысливает убить Котовского, вырезать его сторонников-друзинников и потом расправиться с ненавистной политикой.

Котовский знает план противника, но он не дрожит, не трусит. Несмотря на то, что живет в одной камере с главварями, вдохновителями этого черного дела, с коренастым Ванькой Козловым и геркулесом-сахалинцем Рогачевым. Неустрашимость Котовского внушает неуверенность в себе этим отъявленным героям, они не рискуют на открытое нападение.

Сговорились в бане ошпарить Григория Ивановича горячим кипятком, затем добить шайками.

Предупредили Котовского, и все же он пошел в баню, надеясь на себя. Он не хотел, чтобы враги подумали, что он трусил и, идя с ними в баню, намекнул даже, что знает об их намерении.

Друзья перехитрили Котовского, задержали его на время интересным разговором. Таким образом он избег опасности.

Устроили ему засаду в уборной. Один сидел против дверей, двое притаились с двух сторон при входе. Григорий Иванович открыл дверь, шагнул в коридор и, уловив взгляд сидящего, быстро вошел в уборную, но, прежде чем на него набросились сзади, порывисто обернулся и направил свой малень-

кий верный браунинг в растерявшихся от неожиданности заговорщиков.

— Ну, чего струсили? Подходи, трое на одного!

— Что ты, что ты, Григорий Иванович! Да мы не тебя, мы ничего... забыв, что у них в руках сверкали ножи, залепетали заговорщики.

— Заничевокали, гады. Вон, сию же минуту!

И повинувшись властному приказу, трое двинулись с легкой дрожью к выходу, опасаясь, что Григорий Иванович сзади пристрелит их.

Через некоторое время на прогулке Григорий Иванович просил нас:

— Завтра на прогулку не выходите. Затеваается вошьпка. Загари готовит на меня нападение.

— Тогда тем более лучше быть нам на дворе, чтобы помочь, Григорий Иванович.

Но он и слышать не хотел.

— Они потому и решили затеять стычку во время прогулки, чтобы втянуть вас в нее. Тогда у Загари будет козырь, — «мол, видите, что политика делает, нападает на нашего брата», — и им удастся устроить резню политических.

Григорий Иванович настоял, чтобы никто из нас не вышел на прогулку. С большой тревогой мы ждали следующего дня.

В обычное время в корпус выпустили на прогулку каторжан из двух коридоров. В корпусе были сложены камни. Происходила перестройка больших камер в одиночки.

Загари подошел к Котовскому, вслед за ним подошли еще трое заговорщиков. Завели нервный разговор. Все каторжане были наэлектризованы и, гуляя, не спускали глаз с центральной группы, где ожидалась вошьпка.

Каторжане делились на группы: сторонников Котовского, сторонников Загари и нейтральных. Из

сторонников Котовского на прогулке было четверо: татарин Гафар, молдаванин Манолья Гуцуляк, Демянинин и Пушкарёв. Компания Загари состояла из десяти молдаван. К числу нейтральных же принадлежали все остальные, в том числе Ванька Козлов и Рогачев. Нейтральные боялись выступить открыто против Котовского и выжидали, чья возьмет, чтобы присоединиться к той или другой группе.

Друзья Котовского гуляли в одиночку по двору, дабы их не окружили одновременно. Зорко наблюдали за противником.

Григорию Ивановичу надоело приставание Загари, и вдруг он влепил ему здоровенную пощечину, прозвеневшую по всему корпусу.

Это был гром перед бурей. Загари отлетел в сторону, но в то же мгновение трое его сторонников обхватили огромное тело Котовского, стараясь свалить его. Это им не удавалось. Не удалось и тогда, когда подскочил, оправившись, силач Загари.

Котовский был выше ростом, руки его были свободны, он мог бы глушить их кулаками, но почему-то не сделал этого, а только старался не допустить, чтобы его свалили.

Корпусные надзиратели, предвидя жестокую резню, возможно умышленно не поднимали тревоги, чтобы допустить убийство Котовского, или просто до крайности перепугались, побледнели и старались не вмешиваться.

Кто бросил первый камень—не удалось уследить. Вслед за ним убийственным градом полетели еще и еще. Трудно было понять, кто в кого метит. Роем жужжали перелетные глыбы. Рогачев и Козлов гуляли, не кланяясь жужжащим камням. Летели камни мимо уха, поверх голов, перед самым носом.

Группа, возмущаясь с Котовским, оттащила его к середине корпуса, но была не в силах его свалить,

Загари вытащил большой нож и занес руку, чтобы незаметно и сразу располосовать живот Котовскому. Это было так неожиданно, что мы, наблюдавшие из окон поднавесной башни, готовы были выскочить в корпус, а староста Михаил Сибов чуть было не открыл стрельбу из браунинга, когда вдруг Котовского выручил арестант Матамут.

Он хватил опромным булыжником по голове Загари. Загари прохнулся на каменные плиты корпуса.

Разгорелись страсти. Каменный дождь усилился. Уже принимали участие и нейтральные. Все старались сшибить Котовского. Реяла смерть над головами. Метким прицелом Гафар уложил еще одного врага. Отчаянный Демянишин вырвал железный прут строящейся одиночки и из окна второго этажа выпрыгнул в корпус.

— На, Григорий Иванович, крой их, чертей, напропалую.

Маноля Гуцуляк, гибкий как тигр, также сшиб одного. Пушкарев догнал и камнем уложил четвертого. Шла жестокая расправа. Гафар, Гуцуляк и Демянишин носились от одного к другому сшибленному врагу. Поднимали огромные каменные глыбы и с силой опускали на их головы.

Вываливались мозги, запахло кровью.

Григорий Иванович ни разу никого не ударил. Было страшно подумать, что было бы, если бы он стал крошить железным прутом. А он не только не думал мстить, но еще собственной грудью заслонил и отстоял своих противников—Ваньку Козлова и Рогачева—от разъяренных Гафара и Демянишина.

Корпусные ворота неожиданно открылись, показался начальник тюрьмы со стражниками. Все арестанты митом разбежались по камерам, не убежал лишь Котовский. С железной палкой стоял он посреди корпуса. И оттого, что Котовский остался

в корпусе, начальник тюрьмы и стража не рискнули войти. Три раза намеревались войти, но как только Котовский направляется, чтобы объясниться с начальником, начальник и стража пятились в поднавес. Становилась даже смешна трусость вооруженной стражи. Григорий Иванович бросил железный прут и направился в свою камеру. Там недавние его враги—Рогачев и Козлов—осознали свою ошибку, раскаялись и попросили у него прощение.

С Григорием Ивановичем Котовским я сидел в Кипшиневской тюрьме больше трех лет. Он был на редкость отзывчивый и дружный товарищ. Он все время сидел в общем корпусе с каторжанами. Мы же, следственные политические и крепостники, сидели одно время отдельно от корпуса на внешнем дворе, затем в поднавесной башне. Позже и нас перевели в корпус. Стоило Котовскому узнать, что мы объявили тюремной администрации протест, абстракцию или голодовку, как он сейчас же присоединялся и поднимал всю тюрьму для поддержки наших требований. И весь корпус ходуном ходил от дружного выступления.

Гремели удары чайников, бачков, котелков и коек. Ломали двери, печи, бросали камни в корпус, в тюремную стражу. И все увещевания тюремного начальства, все угрозы пустить в ход оружие не помогали.

В ответ носился многоголосый, наболевший крик заключенных:

— Стреляйте! Па-ла-чи! Кровошпийцы!..

И тогда начальство сдавалось, обещало удовлетворить требования и просило Григория Ивановича успокоить тюрьму.

Григорий Иванович участвовал в суде над прокуратором Гофманом. Тянули жребий, кому выпол-

пить вынесенный ему смертный приговор. Осталось тянуть Котовскому и Борису Беркову.

— Уступил, Борис, мне его. Как петуха, задавлю эту гадину,—просил Григорий Иванович. Берков был близоруким, и Котовский опасался, как бы он не справился с Гофманом. Берков не соглашался. Потянули. Жребий выпал на Бориса, и он удачно выполнил акт, за что был казнен в Одессе.

Через два дня жандармерия прислала в тюрьму, под видом арестанта своего агента, чтобы разнюхать, кто участвовал в суде над Гофманом. Его посадили в корпус в малую общую камеру. Григорий Иванович узнал его, собрал уголовных каторжан, указал им:

— Берите пример с политических: они шпионов не терпят.—И два каторжанина убили шпика, которого начальство собиралось уже выпустить на волю.

Тюремное начальство принимало все меры, чтобы добиться отправки Котовского из Кишинева. Наконец, пришло распоряжение об отправке его в Николаевский каторжный централ. В Николаевском центреле царил строгий режим, практиковались жестокие избиения, применялись розги. Палачи с нетерпением ждали прибытия Котовского, готовили ему кулачный прием.

Прочитав статейный список прогремевшего атamana Котовского, начальник отправил его с отборными усмирителями в одиночку. Подошли к предназначенной одиночке; тут злые псы накинулись на него, но жестоко ошиблись в расчете... Котовский схватил за пиворот двоих надзирателей и так треснул их лбами друг о друга, что остальные не посмели больше трогать его. Котовского держали особенно строго, долго не выпускали на прогулку. Не допускали к нему приезжих на свидание. И он сидел

все время на одной арестантской балагде. Когда через полгода его перевели в Кишиневскую тюрьму в качестве свидетеля по делу полицеймейстера и помощника пристава Зильберга, он внешне сильно изменился и в весе потерял больше пуда. Но не было в глазах Котовского уныния, не было упадка духа. Он попрежнему дышал энергией, отвагой и думал о побеге. Вторично Котовского из Кишиневской тюрьмы отправили в Смоленский каторжный централ. Зимой 1911 года до Кишиневской тюрьмы дошли слухи, что Григория Ивановича в Смоленском централье наказали розгами (этого до сих пор не удалось мне проверить).

Десятилетний срок каторги Котовский не высидал. С опасностью для жизни и большим риском после долгих мучительных лет он вырвался, наконец, на волю. Подробностей его удачного, отчаянного побега не знаю. Знаю только, что он благополучно добрался до Бессарабии и снова всколыхнул спокойную жизнь дворян и помещиков.

Перед революцией 1917 года Котовский был арестован, водворен в Одесскую тюрьму и приговорен к смертной казни. Не было никаких шансов на спасение. Уже палач спал и во сне видел качающееся тело своей новой жертвы, но вдруг грянула революция, разрушила все планы правящей буржуазии, сорвала тяжелые тюремные засовы, освободила томящихся узников. И костлявая рука смерти, протянутая уже к горлу Котовского, повисла, опустилась.

Новая революционная Россия приняла Котовского с восторгом и любовью и подарила ему новую жизнь. Он стал перерождаться.

Открылись глаза его на широкие задачи, стоящие перед пролетариатом и крестьянством.

В семнадцатом году он призван на военную службу, попадает рядовым в конную разведку шестой армии. В ноябре этого же года Котовский избирается в президиум армейского комитета румынского фронта. В это же время он вступает в ряды РКП (б).

Котовский спешит в близкую ему Бессарабию ускорить отлет коршунов-помещиков из имений. Он предчувствует, что много с ними еще будет возни, и, действительно, в декабре 17 года предатели Бессарабии — бывший социалист-революционер Ингулец, Халиппа и помещик Херца — ведут за кулисами Сфатул-Цэрия переговоры с румынскими генералами.

Контр-революционное офицерство, выгнанное октябрьской грозой из России, собирается вокруг царского генерала, командующего румынским фронтом — Щербачева. Под руководством генерала Презана ставка генерала Щербачева помогает румынам разоружить русских солдат, спешивших на родину.

Румыны грабят интендантские склады, расхищают запасы амунции и стягивают своих солдат для наглого захвата всей Бессарабии.

В январе 1918 года в районе Тираспольского уезда он организует первый ударный отряд красногвардейцев из двадцати рабочих и крестьян. Отважно пускается в смелые набеги на белогвардейцев. В апреле он был захвачен в плен белогвардейским конным отрядом генерала Дроздова, ему удается бежать в Одессу, где он снова начинает работать в подполье. После освобождения Одессы, Котовский формирует красноармейские добровольческие отряды. В апреле 1919 года он назначается командиром 2-й бригады пятой Советской стрелковой дивизии.

Позднее Котовский занимает должность командующего кавалерийской группой, начальника кавалерии сорок пятой стрелковой дивизии, командира отдельной кавалерийской бригады, начальника 17-й кавалерийской дивизии, командира отдельной кавалерийской бригады имени Котовского, начальника девятой кавалерийской дивизии и, наконец, в 22 году—командира второго кавалерийского корпуса.

Начиная с 1918 года, Котовский участвовал в боевых действиях против Петлюры, Юденича, Деникина, Антонова, Махно и белополяков. В 1920 году Котовский одерживает крупные победы, берет Одессу, Тирасполь, захватывает большие и ценные трофеи у противника. В этом же году в Львовском направлении он был тяжело ранен в голову и живот. За боевые отличия против белогвардейцев он награжден тремя орденами Красного знамени.

Григорий Иванович Котовский был членом Союзного Украинского и Молдавского ЦИК.

В ночь на шестое августа, в тридцати верстах от Одессы, в совхозе Цупвоенпромхоза «Чебанка» начальник охраны сахарного завода конкорпуса Майоров выстрелом в грудь из маузера предательски убил Григория Ивановича Котовского.

Известие об убийстве Котовского произвело на правительственные, общественные, партийные, красноармейские, рабочие и крестьянские круги удручающее впечатление. Особенно тяжело чувствуют потерю трудящиеся Бессарабии. Неоценимого друга потеряли рабочие и крестьяне Бессарабии. Котовский был одним из самых ревностных борцов за освобождение Бессарабии, одним из самых ярых врагов румынской олигархии.

По ходатайству бирзульских рабочих и крестьян перед ЦИК, Григорий Иванович Котовский похоронен в Бирзуле.

В Бирзуле в 19 году формировалась сорок пятая дивизия, с которой Котовский одержал первые крупные победы над белыми.

День погребения тов. Котовского 12-го августа объявлен траурным днем.

Хоронят героя. Бесчисленные делегации выступают с речами, вспоминают заслуги Котовского. От делегации Реввоенсовета товарищ Буденный говорит:

«В лице Котовского вся страна, Красная армия, особенно конница потеряли лучшего командира и непреклонной воли борца с буржуазией».

Командующий войсками Украины и Крыма, тов. Егоров: «Не было такого боевого участка, где бы своим пылом и порывом ни воодушевил всех окружающих тов. Котовский».

Секретарь ВУЦИК, тов. Буценко, ярко говорит о Котовском. Говорят о Котовском красноармейцы и боевые командиры, соратники Котовского: Криворучко, Кидриченко, Кутяков, Армадеров и др. «Нет Гри-

Юрия Ивановича Котовского. Перестало биться сердце того, чье имя было символом революционных битв и побед».

Встают картины многочисленных боевых подвигов Котовского. «Пробиваясь на соединение с красными частями сквозь кольцо врагов, конный отряд Котовского принимает на себя удары, защищая пехоту и уставшие части.»

«Бойцы Котовского не знают усталости. Закаленные в схватках, не раз ураганом налетали на врагов республики и разбивали огромные силы вооруженных до зубов белогвардейцев.»

На траурном заседании сессии ЦИК Молдавии художественный портрет Котовского в траурной раме, множество знамен, обвитых траурными лентами. Открывая заседание, председатель ЦИК, Старый говорит: «Наша вторая сессия открывается в момент величайшего для нас горя. Печальная весть пронеслась по всему Союзу, умер дорогой всем нам Котовский».

Не один белый генерал покончил самоубийством, сдавая Котовскому свою шпагу.

«Известия Одесского губкома» описывают:

«Хоронят Котовского. Сменяется почетный караул, идут, переливаются живым потоком массы в последний раз отдать долг товарищу, другу, борцу. Идут в последний раз взглянуть на Котовского. Красноармейцы и боевые командиры дают клятву у тела тов. Котовского довести дело, за которое боролся Котовский, до конца. Провожает Одесса Котовского. Шпалерами выстроились войска, шеренгами тянутся по бокам с прощальными венками: «Герою... неустрашимому бойцу.... славному командиру... храбрейшему из храбрых... преданному сыну... революции... беззаветно храброму кавалеристу... самостверженному... любимому... лучшему»,—от прави-

тельств всех республик, от различных организаций необ'ятного Союза.

Бирзула. Гроб несут т.т. Буденный, Буценко, Егоров, Ланда и боевые товарищи Котовского. За телом кроме воинских частей тысячная масса селян, с'ехавшихся отовсюду.

Гроб поставлен на помост. Над склепом произносятся речи т.т. Старый, Буденный, Якир, Буценко, Егоров, Бадеев, Ионов и ряд рабочих и селян.

В четыре часа под салют пушек цинковый гроб сносят в склеп. Последнюю речь произносит тов. Криворучко.

Тело Котовского набальзамировано под руководством профессора Кондратьева.

В целях увековечения трагически погибшего героя Г. И. Котовского производится сбор на самолет имени Котовского. В городах Умани, Бердичеве, Одессе и Балте предполагено назвать улицы именем Котовского.

В ЦИК Молдавии поступило ходатайство от рабочих города Тирасполя о переименовании его в город Котовск.

Ободовскую сельско-хозяйственную коммуну, организованную Григорием Ивановичем Котовским, предполагено назвать его именем.

Котовский принимал горячее участие в организации Молдавской республики. Заслуги Котовского велики, и трудящиеся спешат закрепить надолго память о славном и преданном делу революции Григории Ивановиче Котовском.

Пионеры не забудут почетного пионера Котовского, который провел с ними последний день перед смертью. Провожая любимого, почетного друга, они дали клятву:

«Будем, Котовский, как ты, закалены и стойки».

Позор убийцам!

Пусть ликуют враги, пусть румынские захватчики подкупом сумели добиться смерти их заклятого врага. На смену Котовского станут новые славные герои. После Котовского осталось неисчислимое количество котовцев, давших клятву своему мертвому другу:

«Мы закончим дело, не законченное тобой».

«Бессарабия будет советской.»

**ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1925 г.
НА ДЕШЕВУЮ БИБЛИОТЕКУ
журнала „КАТОРГА и ССЫЛКА“**

52 номера в год (каждый номер размером 16 стр.).

Дешевая Библиотека имеет своей задачей дать в доступной форме для самого широкого круга читателей изображение отдельных этапов и моментов истории русского революционного движения.

В первую очередь, в связи с исполняющимися в текущем году юбилеями восстания декабристов и революции 1905 г., имеется в виду дать ряд книжек на разные темы, относящиеся к этим событиям.

Попутно будут освещены и другие эпохи истории освободительного движения, а также репрессивная политика самодержавия (казни, каторга, тюрьма и т. д.).

Вышли в свет и рассылаются подписчикам:

1. Вл. Виленский-Сибиряков—Кровавое воскресенье (9 янв.).
2. „ „ —Ленин в сибирской ссылке.
- 3—4. П. Швецов—Провокатор Окладский.
5. Билибин—Орловский централ.
- 6—7. М. Ф. Фроленко—„Милость“.
8. Каллистов—Тобольский централ.
- 9—10. Андрей Соболев—„Колесуха“. Амурск. колесная дорога.
11. М. Ф. Фроленко—1881 год.
12. Н. Подвойский—Первый совет рабочих депутатов.
- 13—14. А. Напгер—Верхоянская ссылка.
- 15—19. Н. М. Дружинин—Кто были декабристы и за что они боролись?
- 20—21. Я. Свердлов—Царская ссылка за десять лет (1906—1916 гг.).
- 22—23. Вл. Велеский-Сибиряков—Два юбилея (1825 и 1905).
- 24—25. С. Сибиряков—Г. И. Котовский.
26. В. Алексеев—Николай I и декабристы.
- 27—29. Е. Кис—Побеги русских революционеров.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На 1 год—52 номера—2 р. 40 к.	} с доставкой и пересылкой.
„ 1/2 года—26 номеров—1 р. 25 к.	

Цена 10 коп.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ
Конторы Издательства Всесоюзного Общества
Политкаторжан и Ссылно-Поселенцев.
Москва, Лубянский пассаж, 32, тел. 3-64-73.
Склад изданий: Книжный склад „МАЯК“,
Москва, Петровка, 7, телефон 3-63-20.